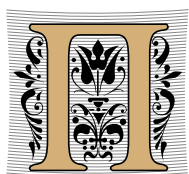

Исторический вестник. 2021. Т. XXXVIII
DOI: 10.35549/HR.2022.2021.38.010

Г.Н. Ланской

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XXI в.

роцесс историографического творчества, представляющий собой самостоятельный процесс целенаправленной творческой деятельности в сфере описания и во многих случаях интерпретации событий прошлого, может быть определен как обособленный вид деятельности

по отношению к ходу исторических событий, которые могут происходить как в результате активности человека, так и без ее влияния. Помимо данной практической автономности этот процесс характеризуется высокой степенью концентрации психологических и интеллектуальных усилий, имеющей разнонаправленный характер. Третьей особенностью историографического творчества является его достаточно частое воплощение в создании различных видов текстов, которые могут иметь разнообразные структурные формы и содержательные признаки и при этом всегда представляют собой субъективно отобранные фрагменты прошлого или в более редких случаях его объективную картину, для создания которой нередко требуется применять специальный инструментарий. Его состав, а также критерии выявления элементов данного инструментария обычно можно обнаружить в работах источниковедческой и методологической направленности, особенно в тех случаях,

когда они имеют дидактическую направленность. Поскольку историографическое творчество является в подавляющем большинстве случаев субъективно мотивированным и — применительно к идеологически «чувствительным» темам — психологически детерминированным процессом, оно обладает еще одной — четвертой — особенностью, заключающейся в существенной подверженности воздействию политики.

Поскольку в классическом, сформированном еще в античный период понимании политика представляет собой целенаправленное действие, ориентированное на формирование связей человека с окружающим пространством и, как многократно подчеркивалось в социологических исследованиях, на доминирование в этом пространстве, можно сделать вполне очевидный вывод о том, что многие люди в процессе историографического творчества дополнительно решают задачи личностной самореализации. Одной из таких задач является презентация собственного личностного восприятия исторических событий не только профессионально подготовленному к его оцениванию сообществу людей с научно-экспертной подготовкой, но и иным социальным группам, которые подходят к восприятию интерпретаций исторических фактов и процессов с иными критериями. Именно вследствие наличия данной, часто неразрывно связанной с историографическим творчеством задачи формируются основания для постановки имеющей как теоретическое, так и практическое значение проблемы сочетания и в целом ряде случаев интеграции создаваемых в ходе данного творчества произведений и презентации этих произведений в сферу политической деятельности.

Данная проблема при очевидной универсальности ее распространения, вызванной безусловно существующей для большинства людей связью с политическим контекстом развития общественных отношений, является особенно существенной для тех социальных систем, которые имеют автократический характер. Автократизм проявляется в том, что создаваемые обычно в рамках государственной модели политического устройства институциональные структуры в их коллективном и персонифицированном качестве ориентированы на подчинение своим интересам людей, наиболее способных к историографическому творчеству, на формирование из их числа экспертно-консультативного конгломерата. Для этих, добровольно или вынужденно выбирающих для себя адаптивный способ профессиональной деятельности лиц рассматриваемый вид творчества становится неотъемлемой частью политической жизни. По мере усиления автократических тенденций и их тотального распространения, характерного для тоталитарного уровня

развития общественных отношений, процесс историографической деятельности может практически полностью подводиться под платформу ведения политической деятельности в интересах продвижения руководителями и другими представителями органов государственной власти своих взглядов в среду общественного сознания.

В частности, для ставшего своего рода реставрацией тоталитарного режима управления периода второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. апофеозом слияния деятельности специалистов в области общественных наук и деятелей из среды правящей элиты стала публичная пропаганда текста очерков И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»¹. Их выходу в свет, состоявшемуся в сентябре 1952 г., были посвящены многочисленные публичные мероприятия, среди которых одним из наиболее значимых историографических фактов стала организованная в феврале 1953 г. сессия Отделения философии и истории Академии наук СССР. Ключевой темой докладов руководителей философских исследований (В.П. Волгин, Г.Ф. Александров) стало идеологическое и социально-практическое значение написанных И.В. Сталиным текстов. При этом в наиболее выразительной форме их роль для практики научного и в том числе историографического творчества определила возглавлявшая историческую часть научного сообщества А.М. Панкратова, изложившая свою точку зрения следующим образом: «Советский ученый — это не кабинетный ученый, а борец за коммунизм. Основная задача советской передовой науки вообще и марксистско-ленинской исторической науки в частности заключается в том, чтобы служить советскому народу в его борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране, в борьбе за мир, демократию и социализм во всем мире. Чтобы с честью выполнить эту задачу, советские историки должны глубоко овладеть единственно научным диалектико-материалистическим методом научного исследования, образцы которого дает в своих трудах корифей науки товарищ Сталин»².

Связь историографических фактов, под которыми можно понимать любые творческие и в их числе организационно-институциональные события в развитии историографии, с политической практикой всегда углублялась в те периоды, когда потребность в их возникновении ощущалась представителями правящей элиты. Обычно они были связаны

¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР: Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 96 с.

² Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 616. Л. 63.

А.М. Панкратова

либо со стремлением с помощью создаваемой интеллектуальной продукции сконструировать положительный образ проводимой в масштабах государства и за их пределами политики, либо с необходимостью удерживать сознание и сверхсознание (мировоззрение) представителей общества в административно необходимых рамках. Первая из этих задач активно решалась в период правления Петра I, отдельные сподвижники которого собственно занимались обоснованием и идеологической легитимацией проводившегося им курса³.

В дальнейшем, начиная с историографической деятельности в конце 1730–1740-х гг. оказавшегося в отставке В.Н. Татищева, представители правящих кругов России, относившиеся к слою «просвещенной бюрократии», обычно самостоятельно занимались формированием имиджа своей власти и практики ее реализации. Таким образом, частью профессиональной политической деятельности для ряда ее субъектов, наделенных соответствующим кругом должностных обязанностей, становилась пропаганда имевших доктринальную сущность объяснительных моделей, имевших в том числе историографические черты. В частности, одним из получивших широкую известность высказываний представителей правящей элиты периода правления Николая I и примечательным для идеологической практики данного периода стало датированное на-

³ Манкиев А.И. Ядро российской истории. М.: Сенатская типография, 1784. 392 с.; Прокопович Феофан. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. СПб.: Санкт-Петербургская синодальная типография, 1726. 36 с.

А.Х. Бенкендорф

чалом 1830-х гг. суждение руководителя III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфа. В нем констатировалось, что «прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Таким образом, практика научного историографического творчества, неизбежно приводящая к объективному, сочетающему в себе позитивные и критические наблюдения и выводы о различных исторических явлениях изложению событий, постепенно расходилась по своей магистральной — типологической — направленности с так называемой политической историографией, для которой приоритетной целью было решение политических задач.

При этом нужно отметить, что данное расхождение становилось не всегда жестким, как это было, например, в творчестве многих деятелей партийного большевистского аппарата, относившихся как к числу принимавших основные административные решения лидеров (в особенности В.И. Ленина и И.В. Сталина), так и к кругу должностных лиц, занятых «вспомогательной» идеологической работой (например, Е.М. Ярославского).

В частности, создававший имевшие научное значение произведения историко-нарративного характера (например, доведенную до событий воцарения в Москве польского королевича Владислава в 1610 г. «Ис-

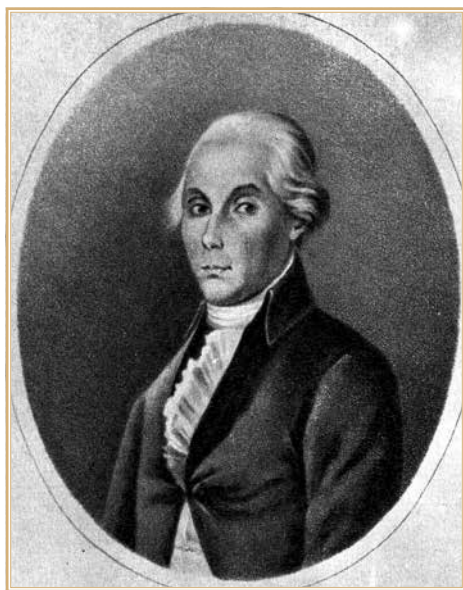
М.М. Щербатов

торию российскую от древнейших времен»⁴) М.М. Щербатов вполне ясно позиционировал в качестве историко-публицистического произведения свой трактат «О повреждении нравов в России»⁵. Данная направленность этого текста проявлялась в том, что его автор, придерживавшийся на доктринальном уровне критического подхода к оценке традиций развития западноевропейских стран в так называемый период Нового времени, стремился на основе целенаправленного подбора фактических аргументов прочертить линию духовного кризиса российской правящей элиты, ускорившегося, по его мнению, в период правления Петра I. Указанный историко-публицистический труд, написанный в канун окончательного консервативного, обусловленного началом Великой французской революции поворота в социально-идеологической политике Екатерины II, обозначил своего рода допустимую границу вольномыслия в российской историографии, допускавшего критицизм по отношению к феодальной монархии, но не отрицавшего необходимость ее наличия.

Об этом, в частности, свидетельствовали последствия издания и распространения в мае–июне 1790 г. А.Н. Радищевым написанного им историко-публицистического произведения «Путешествие из Петербурга

⁴ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен / Под ред. И.П. Хрущова и А.Г. Воронова. Т. 1–7. Санкт-Петербург: Изд. кн. Б.С. Щербатова, 1901–1904.

⁵ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб.: В. Врублевский, 1906. 84 с.

А.Н. Радищев

в Москву», в котором в качестве альтернативы самодержавию выдвигался либерализм, воспринимавшийся российскими консерваторами в лучшем случае как утопия. В то же время с точки зрения историографического дискурса примечательным был тот факт, что в своем подготовленном в 1858 г. в Вольной русской типографии неподцензурном издании А.И. Герцен объединил трактат «О повреждении нравов в России» и «Путешествие в Петербурга в Москву» в одну книгу⁶, афористично назвав в предисловии к ней авторов этих произведений идеологическими стражами Российского государства в тот период, когда они написали данные тексты.

Традиция сочетания в рамках историографического творчества научно-повествовательного и историко-публицистического жанра, заложенная в рамках рационалистической методологии в XVIII в., была практически завершена в первой четверти XIX в. Н.М. Карамзиным. В процессе написания ставшей для него, как для официального историографа Российской империи, главным трудом «Истории государства Российского»⁷, он в ходе своеобразного сравнения последовательно излагаемых им событий развития древнерусского и средневекового российского государства высказывал комментарии и оценки к собы-

⁶ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А.Н. Радищева: Факс. изд. / Предисл. А.И. Герцена; вступ. ст. и коммент. Н.Я. Эйдельмана. М.: Наука, 1983. 340 с.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2009. 1020 с.

Н.М. Карамзин

тиям, происходившим вокруг него. Именно таким образом в 1811 г. была написана «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях»⁸. Так же как и трактат «О повреждении нравов в России», данное произведение относилось к жанру публицистической историографии и имело критическую направленность, но в отличие от текста, написанного М.М. Щербатовым, данный критицизм был не отвлеченным, а относился собственно к происходившей в России в 1810–1811 гг. борьбе представителей различных политических элит за продолжение или, напротив, за остановку конституционных преобразований. В развернувшейся в связи с этой борьбой общественной дискуссии Н.М. Карамзин, используя в гражданских целях статус назначенного историографа, по существу выступил в качестве советника императора Александра I, призывая его к торможению реформаторского курса в силу его противоположности опыту развития древней, ориентированной в славянское, противоположное западноевропейскому пути русло развития.

Адресованная общественному сознанию в начале 1830-х гг. теория «официальной народности», своеобразным комментарием к которой стало приведенное выше высказывание А.Х. Бенкендорфа, под-

⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Предисл., подгот. текста и прим. Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 125 с.

вела рубежную черту под предшествующим, продолжавшимся еще с времени существования Древнерусского государства периодом интеллектуального диалога между создателями историографических источников и представителями правящей элиты. Данная ситуация объяснялась не только тем, что практически все сторонники идеологии либерализма, в том числе и в его умеренной версии, подвергали сомнению продуктивность проводившегося в стране внутривнутриполитического курса, но и тем обстоятельством, что основными административными полномочиями в период второй половины 1820-х — первой половины 1850-х гг. стали обладать выдвиженцы из среды вооруженных сил, которые в принципе были не склонны к диалогу с деятелями из сферы социальных и гуманитарных наук. В дальнейшем вплоть до событий второй российской революции, приведших за собой, как отмечалось выше, ситуацию доминирования идеологической пропаганды над ретрансляцией объективных исторических знаний, происходившие в Российской империи модернизационные процессы отличались такой степенью интенсивности, что в них историографические факты безусловно уступали по значимости социально-историческим явлениям.

С начала 1960-х гг., когда по причине начинавшегося в Советском государстве экономического кризиса, откладывавшего движение к провозглашенному в качестве исторической перспективы коммунистическому обществу, стала возникать потребность в том числе и в ретроспективном плане объяснять происходившие в стране процессы, в СССР начался процесс идеологической консервации. В сфере историографического творчества, которое можно было считать в складывавшихся условиях креативным с достаточно высокой мерой условности, данный процесс нашел отражение в создании обобщающих историографических источников. Их содержание выполняло функцию не только свойственного многим, созданным еще в досоветский период произведениям повествования о различных фактах и явлениях, но и в еще большей степени оценивания данных фактов и явлений, главным образом, в контексте теории общественно-экономических формаций, являвшейся, как известно, одной из интерпретаций методологии позитивизма. Работой в данном направлении руководил занимавший в 1961–1986 гг. должность секретаря ЦК КПСС, избранный в 1962 г. академиком АН СССР Б.Н. Пономарев, который был ответственным редактором не имевшего аналогов одиннадцатитомного коллективного труда многих известных специалистов «Ис-

тория СССР с древнейших времен до наших дней»⁹ и неизменным ответственным редактором семи вышедших в 1959–1985 гг. изданий «Истории КПСС»¹⁰.

Наличие в данных, а также в более частных по тематике историографических источниках¹¹ имевших доктринальное значение изложений и трактовок событий как отдаленных, так и относительно недавних периодов отечественной истории, охватывавших по заложенной на рубеже 1920–1930-х гг. традиции все народы СССР, превращало их в атрибуты не только исследовательской, но, главным образом, политико-идеологической деятельности. Они формировали ретроспективную часть оснований идеологической и в ее рамках «психологической войны», одним из руководителей которой, в том числе в должности начальника отдела спецпропаганды Главного политического управления Советской армии и Военно-Морского флота, был Д.А. Волкогонов. В написанных им работах¹² был представлен синтез факторов и ресурсов идейного воспитания представителей советского общества, в котором содержался и компонент формирования конкретных социально-исторических взглядов. Объектом сочетавшего в себе научно-организационные и политико-административные черты регулирования становилась и сфера историографических дискуссий. Одним из ярких подтверждений этого стало выступление в марте 1985 г. на годовичном собрании Отделения истории Академии наук СССР академика-секретаря данной экспертно-профессиональной структуры С.А. Тихвинского. Обобщая итоги и определяя перспективы ведения исследователями дискуссий по различным темам историографического творчества, он подчеркивал: «Бюро Отделения рассмотрело вопрос о состоянии, развитии и совершенствовании научных дискуссий. Интересы советской науки требуют выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших научных проблем. В этой связи очевидна положительная роль дискуссий. Они могут проходить на конференциях, симпозиумах, за “круглыми столами”, на ученых со-

⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней: В 11 т. // Институт истории АН СССР. М.: б.и., 1963–1966. Т. 1–11.

¹⁰ История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев, М.С. Волин, В.С. Зайцев и др. 7-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 783 с.

¹¹ Минц И.И. История Великого Октября: В 3 т. М.: Наука, 1967–1973. 3 т.

¹² Волкогонов Д.А. Идейное воспитание воинов. М.: Прогресс, 1985. 185 с.; Волкогонов Д.А. Психологическая война: Подрывные действия в области общественного сознания. М.: Воениздат, 1983. 288 с.

ветах, на страницах журналов. Такие дискуссии должны быть плодотворными, не возвращать нас к проблемам, уже решенным наукой, а способствовать выработке научно обоснованных и идеологически выверенных взглядов по спорным вопросам»¹³.

Данное высказывание, отражавшее в выразительном и обобщающем виде складывавшееся на протяжении периода с середины 1930-х гг. представление представителей руководящего аппарата профессионального академического и вузовского сообщества историков, было примечательным по двум причинам. Во-первых, оно предусматривало наличие тем, по которым уже должна была сформироваться согласованная исследователями точка зрения и которые не должны были по этой причине становиться объектом нового осмысления в рамках и в процессе историографического творчества. Во-вторых, историки, к которым это высказывание было обращено, должны были руководствоваться тем, что обнаруживаемые ими в различных источниках информации и излагаемые в их трудах ответы на вопросы, еще остающиеся спорными, должны одновременно соответствовать двум качественным критериям — научной обоснованности и выверенности по отношению к идеологическим установкам, которые, как отмечалось выше, еще с рубежа 1820–1830-х гг. формулировались имевшими соответствующие полномочия государственными политическими деятелями.

Следующий период в выстраивании связей между историографическим творчеством с возникающими в его процессе фактами интеллектуальной истории и происходившими политическими процессами, начавшись во второй половине 1980-х гг. появлением содержащих в себе в том числе элементы интерпретации ретроспективной информации¹⁴, длился, на наш взгляд, до рубежа 2000–2010-х гг. Выбор его данной, конечной хронологической границы объясняется тремя причинами.

Во-первых, к этому времени в том числе по причине обострения отношений представителей правящей элиты Российского государства с лидерами ряда государств, являвшихся по отношению к нему союзниками в особенности в течение большей части периода 1990-х гг., среди профессионально связанных с идеологически значимыми структурами аппарата власти историков стали популярными антилиберальные и в определенной мере антизападнические настроения. Во-вторых, в условиях большо-

¹³ Тихвинский С.А. Итоги и перспективы исследований советских историков // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 12.

¹⁴ Иного не дано: судьбы перестройки, взгляды в прошлое, возвращение к будущему / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. 674 с.

го количества дидактических изданий, представлявших представителям педагогического сообщества разные и в том числе некорректные интерпретации ряда событий недавней истории Советского государства, среди ряда деятелей исторического образования, так же как и в более широкой социальной среде стала проявляться ностальгия к идеологическому и желательному выдвинутому из среды руководителей страны единообразному толкованию целого ряда значимых для многих поколений людей событий. В-третьих, применительно к периоду рубежа 2000–2010-х гг., когда накануне прошедших в 2012 г. выборов главы государства отчетливо определилась направленность кадровой политики на сохранение (в том числе с помощью сформировавшихся во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. номенклатурных механизмов) основного состава правящей элиты, начавшего складываться еще в эпоху так называемого «позднего застоя», стало предсказуемым намерение стабилизировать и определенную систему представлений об исторических событиях.

Дальнейшие историографические факты, продолжающие возникать и в настоящее время, могут рассматриваться как подтверждение представленной периодизации. Процесс конструирования исторического сознания в особенности для людей, не попавших под влияние происходившего со второй половины 1980-х гг. до начала 2010-х гг. критического переосмысления многих, в том числе заслуживающих этого фактов отечественной истории, включил в себя три взаимосвязанных явления, наблюдавшиеся в истории управления историографическим творчеством в России в тех или иных вариациях ранее, — формирование модели позитивного развития страны с ретушированием сопровождавших его ошибочных решений представителей высших слоев политической бюрократии; выявление реальных или фантомных мифов и в отдельных случаях фальсификаций тех или иных событий, явлений и деятелей; формирование дидактически направленных интерпретаций исторических фактов, которые бы соответствовали решению задач идеологической политики.

В целом необходимо отметить, что на протяжении периода с начала XVIII в. до начала XXI в. наиболее распространенными стали две модели взаимосвязи между историографическими фактами и политической практикой. Первая модель предполагала создание в процессе творческой деятельности различных по своей квалификации авторов таких явлений историографического творчества и институционально-организационной деятельности (историографических фактов), которые могли быть адаптированы к имевшим в том числе и позитивное значение мероприятиям государственной политики. В этом плане, по наше-

му мнению, не вполне оправданной была пафосно-критическая направленность сделанного во второй половине 1980-х гг. вывода одного из лидеров начавшейся в этот период и продолжавшейся примерно до начала 2000-х гг. идеологической перестройки Ю.Н. Афанасьева о том, что и к данному времени основной являлась задача «преодолеть эту мертвящую сталинщину в нашей исторической науке, как и в общественедении в целом»¹⁵. Вторая модель предусматривала процесс, при котором создание историографических фактов осуществлялось профессиональными учеными и в отдельных случаях философами-публицистами и при этом оставалось в рамках нарративного жанра, как это было, например, в обобщающем пятитомном труде придерживавшегося официально признанных концептуальных представлений Д.И. Иловайского¹⁶. При данной модели возможности творчества были детерминированы рамками идеологической интерпретации наиболее значимых с точки зрения научно-просветительской политики государства событий, создаваемой политическими деятелями, находившимися по отношению к научно-экспертному сообществу в своего рода надклассовой среде. Третья модель связи историографических фактов и политической практики, которая к настоящему времени оказалась реализованной далеко не в полной мере, предусматривает нацеленность авторов историографических источников и политических деятелей, имеющих полномочия по руководству духовно-идеологической сферой общества, на формирование и публичное распространение достоверных знаний об истории России. Оценивая возможности ее внедрения, необходимо исходить из того, что синонимом достоверности при этом является не изложенная в каком-либо одном тексте трактовка тех или иных событий или явлений, а раскрытие их в полном, объективном и разностороннем виде, поскольку большинство фактов досоветской, советской и постсоветской эпохи имело, как признано практически всеми авторитетными специалистами, не только положительные, но и негативные свойства.

¹⁵ Афанасьев Ю.Н. Перестройка и историческое знание // Иного не дано: судьбы перестройки, вглядываясь в прошлое, возвращение к будущему / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 498.

¹⁶ Иловайский Д.И. История России / Соч. Д. Иловайского. Т. 1–5. М.: Типография Грачева и Компании, 1876–1905.

REFERENCES

1. *Afanasyev Yu.N.* Perestroyka i istoricheskoye znaniye // Inogo ne dano: sudby perestroyki, vglyadyvayas` v proshloye, vozvrasheniye k bdushemu / Pod obshey redaktziyey Yu.N. Afanasyeva. M.: Progress, 1988. P. 491–506.
2. *Ilovayskiy D.A.* Istoriya Rossii /Sochineniye D. Ilovayskogo [History of Russia / by D. Ilovayskogo]. Toma 1–5. M.: Tipografiya Gratchyova i Kompanii, 1876–1905.
3. Inogo ne dano: sudby perestroyki, vglyadyvayas` v proshloye, vozvrasheniye k bdushemu / Pod obshey redaktziyey Yu.N. Afanasyeva. M.: Progress, 1988. 674 p.
4. Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza / B.N. Ponomaryov, M.S. Volin, V.S. Zaytsev i drugiye. 7-ye izdaniye, dopolnennoye. M.: Politizdat, 1985. 783 p.
5. Istoriya SSSR s drevneyshih vremyon do nashikh dney: v 11 tomakh / Institut istorii AN SSSR. M.: b.i., 1963–1966. Toma 1–11.
6. *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. M.: Eksmo, 2009. 1020 p.
7. *Karamzin N.M.* Zapiska o drevney i novoy Rossii v eye politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah /Predisloviye, podgotovka teksta i primechaniya Yu.S. Pivovarova. M.: Nauka, 1991. 125 p.
8. *Mankiyev A.I.* Yadro rossiyskoy istorii, 1784. M.: Senatskaya tipographiya, 1784. 392 p.
9. *Mints I.I.* Istoriya Velikogo Oktyabrya: V 3 tomakh. M.: Nauka, 1967–1973. 3 tom.
10. «O povrezhdenii nraov v Rossii» knyazya B.S. Sherbatova i «Puteshestviye» A.N. Radisheva: Faksimil`noye izdaniye/ Predisloviya A.N. Gertsena; vstupil`naya statya i kommentarii N.Ya. Eydel`mana. M.: Nauka, 1983. 340 p.
11. *Prokopovich Feofan.* Pravda voli monarshey vo opredelenii naslednika derzhavy svoey. SPb: Sankt-Peterbourgskaya sinodal`naya tipographiya, 1726. 36 p.
12. *Sherbatov M.M.* Istoriya rossiyskaya ot drevneyshih vremyon /Pod redaktsiye I.P. Khrushova i A.G. Voronova. T. 1–7. Sankt-Peterbourg: Izdatelstvo knyazya B.S. Sherbatova, 1901–1904.

13. *Sherbatov M.M.* O povrezhdenii npravov v Rossii. SPb.: V. Vroublevskiy, 1906. 84 p.
14. *Stalin I.V.* Economicheskiye problemy sotsializma v SSSR: Zamechaniya po ekonomicheskim voprosam, svyazannym s noyabrskoy diskussiey 1951 goda. M.: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury, 1952. 96 p.
15. *Tikhvinskiy S.L.* Itogi i perspektivy issledovaniy sovetskikh istorikov // Voprosy istorii. 1985. № 7. P. 3–13.
16. *Volkogonov D.A.* Ideynoye vospitaniye voynov. M.: Progress, 1985. 185 p.
17. *Volkogonov D.A.* Psikhologicheskaya voyna: Podryvniye deystviya v oblasti obshestvennogo soznaniya. M.: Voenizdat, 1983. 288 p.

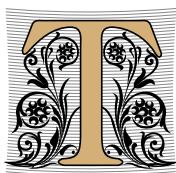

Ключевые слова:

историография, политическая практика, идеология, историческая наука, государство, концепция, реконструкция, исследование, источники, Россия, управление, автократия.

Grigory N. Lanskoj

HISTORIOGRAPHICAL FACTS AND POLITICAL PRACTICE IN RUSSIA IN THE XVIII — BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

The article reveals the connection between the historical science development and evolution of political practice in Russia.

In that context shown are the course of the historical research at that time and the coordination and control strategies implemented by the state, including institutional transformations.

As a subject of current research was taken the period from the XVIII — beginning of the XXI centuries, when historiography became a profession and was institutionalized.

Special attention is driven to the role of ideology in adopting different models of interaction between historians and political actors, while framing the image of the past, the present and the future of Russia.

Keywords: historiography, political practice, ideology, historical science, state, conception, reconstruction, study, sources, Russia, management, autocracy.

Grigoriy N. Lanskoj — D.Sc. (History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities.

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики факультета международных
отношений и зарубежного регионоведения Российского
государственного гуманитарного университета